

Природная среда как исходный фактор социогенеза древних цивилизаций: трактовка М. М. Хвостова

М. В. Новиков¹, Т. Б. Перфилова²

¹доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского.

Россия, г. Ярославль. ORCID: 0000-0002-2013-1919.

Researcher ID: AAD-2635-2019. E-mail: m.novikov@yspu.org

²доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник,

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского.

Россия, г. Ярославль. ORCID: 0000-0002-2498-8688. E-mail: m.novikov@yspu.org

Аннотация. Рассматривается проблема влияния природного территориального комплекса на историко-культурное развитие народов Древнего мира в трактовке М. М. Хвостова, с позиции географического детерминизма, изучавшего зависимость особенностей «общественной эволюции» древних цивилизаций от характера природной среды. Отделение географического подхода от исторического при трактовке исторического процесса Хвостов объяснял тем, что наукам об обществе важны прежде всего «результаты, которые получаются от воздействия природы на человеческие общества». Отмечается, что для оценки этих результатов ученый использовал исследования авторитетных европейских и российских экспертов. Став адептом антропогеографии, он применил идеи Ф. Ратцеля к интерпретации истории и культуры древних греков. Хвостову удалось доказать, что скорость, интенсивность, направленность и итоги протекания процессов внутреннего развития древних греков, в том числе и «типы культуры», возникшие в Элладе, детерминировались совокупностью таких природных показателей, как климат, орография, гидрография. Труды Л. И. Мечникова легли в основу рефлексий Хвостова об исходных условиях становления цивилизаций на Древнем Востоке. Прямая зависимость от географического фактора социально-экономического и политико-административного укладов жизни в крупных речных цивилизациях выражалась, по убеждению Хвостова, в формах социального поведения населения, направленных на адаптацию к среде обитания, и организационных усилиях древнеегипетских и месопотамских правителей по созданию и поддержанию в порядке ирригационных сооружений. Обращается внимание на то, что профессор преувеличивал роль благоприятного климата в процессах этно- и социогенеза у европейских и восточных народов древности. И хотя его собственные изыскания указывали на ошибочность заявления об «умеренном климате» как лучшей среде обитания, он не внес коррективов в учебные издания. Подчеркивается, что Хвостову не удалось связать разнообразие процессов развития народов древности с социокультурными факторами, но он смог определить направления изучения влияния природных факторов в историческом дискурсе.

Ключевые слова: факторный подход, природно-географический фактор, географический детерминизм, антропогеография, культура (цивилизация), среда обитания, исторический процесс, «национальный характер», раса, взаимозависимость природы и социума.

Введение. В 2022 г. исполняется 150 лет со дня рождения известного российского историка Михаила Михайловича Хвостова (1872–1920). Он блестяще окончил Императорский Московский университет, но вопреки ожиданиям пополнил ряды провинциальной интеллигенции, связав свою профессиональную и научную деятельность с Императорским Казанским университетом. Результаты конкретно-исторических трудов профессора высоко оценивались не только современниками. Исследователи античности советского периода считали капитальным его вклад в изучение экономической истории греко-римского Египта [3; 4; 10, с. 391, 392]. В то же время возражения и критику у них вызывали теоретико-методологические позиции и общественно-политические взгляды ученого, которые явно свидетельствовали о

принадлежности М. М. Хвостова к отряду «буржуазных» историков, в полной мере испытавших на себе кризис – «застой», «упадок» «буржуазной» историографии рубежа XIX–XX вв. [1; 10, с. 374, 375, 392, 393; 18, с. 24–28, 72–79, 81, 98, 102–105, 169, 170; 19, с. 45, 46, 48–50, 60, 62, 83, 104, 105].

Пересмотр вульгарно-социологических идеологизированных представлений о кризисе исторической науки переломной эпохи XIX–XX вв. актуализировал интерес к теоретическим рефлексиям М. М. Хвостова. Даже самый поверхностный обзор его трудов указывал на то, что ученый принадлежал ко второй генерации историков-позитивистов, или к «критическим позитивистам» [5, с. 90, 102, 105, 162, 201, 202, 217, 218, 225, 226, 241–244; 9, с. 8, 47, 56, 62, 75–80; 11]. Они, сохраняя верность теоретическим установкам и научной ориентации «положительной» науки, стремились усовершенствовать самое слабое звено позитивизма – историческую гносеологию. Новые теоретико-познавательные принципы черпались из лишенного крайностей неокантианства и социальной психологии. Важность объединения когнитивных стратегий номотетического и идиографического характера признавал и М. М. Хвостов, разрабатывая концепцию социологической истории [16, с. 821, 824].

Наши научные изыскания [6; 7; 8] показали, что М. М. Хвостов стремился изучать каждую древнюю культуру (цивилизацию) с «общей исторической точки зрения» [14, с. 33]: как сложную целостную систему, процесс исторического развития которой был обусловлен сочетанием не только «сил физических, химических, биологических, психологических», но и влиянием «иррационального элемента» [16, с. 819, 820]. Следовательно, методология познания, в его трактовке, должна была состоять как из строго научных методов исследования, так и из мало поддающихся верификации способов психологической интерпретации фактов, из синтеза рационально-логического приема объяснения и априорной процедуры «понимания» [16, с. 794, 795; 17, с. 36].

Центральные позиции в социологической истории М. М. Хвостова занимала факторная теория. Глубинными причинами, ответственными за ход исторического процесса, он называл природные, демографические, социально-экономические и социально-политические «движущие силы» [14, с. 21; 17, с. 101]. Особое место среди равноправных и взаимозависимых факторов «общественной эволюции» он отводил природным территориальным комплексам, которые детерминировали «запуск», скорость, характер историко-культурных процессов у народов Древнего мира.

Результаты исследования. Воздействие природы на человеческое общество М. М. Хвостов считал «первым могущественным фактором общественной эволюции» [14, с. 37]. С действием этого фактора, замечал он, «приходится считаться» даже в тех случаях, когда заходит речь не о «самых примитивных обществах», а о «самых культурных» народах. Они, вопреки «ложному утверждению» о господстве над природой, сохраняют свою зависимость от естественной среды обитания, «хотя и не столь непосредственно [как первобытные люди. – М. Н., Т. П.]. «Культурный человек, подобно первобытному, должен защищать себя от вредных сил природы и приспособлять для удовлетворения своих потребностей ее благотворные силы», – заключал профессор [14, с. 37]. Конечно, рассуждал он, «это *приспособление природы* возможно лишь в известных пределах»: в древности часто отмечались случаи, когда «и организм индивида, и общественная организация сами должны были *приспособляться к природе*» [17, с. 43, 44].

Следовательно, географическая среда, претерпевающая изменения под воздействием «общественной организации», сама может выступать в роли фактора, предопределявшего жизнь сообщества индивидуумов. А это значит, что, заселяя географическое пространство, люди в процессе их жизнедеятельности превращали территории обитания в историческое пространство. Для его изучения принятые в физической географии описательные и аналитические процедуры уже становились недостаточными.

«Обычно в сочинениях по физической географии географические факторы рассматриваются в таком порядке, – объяснял М. М. Хвостов свою мысль, – определяется положение данной страны на земном шаре, далее рассматриваются распределение моря и суши, географическое строение страны (почва) и форма поверхности, климат, орошение, флора и фауна». Такой порядок удобен для отделения основных географических «данных» от производных: к примеру, «климат есть результат взаимодействия... астрономических явлений... распределения суши и моря... той или иной формы поверхности» [14, с. 37].

Однако, «когда мы имеем в виду не объяснение природы страны, а тех результатов, которые получаются от воздействия природы на человеческие общества, более пригодной яв-

ляется несколько иная классификация географических факторов, – уточнял М. М. Хвостов исторический подход к данным физической географии. – Нужно сначала рассмотреть те факторы, которые ранее всего и более всего влияли на человека. Таковы: климат, геологическое строение страны (почва), флора и фауна, далее орография и речная система; гораздо позднее сказывается непосредственное влияние распределения моря и суши» [14, с. 38].

Из этих рассуждений профессора можно заключить, что его интересовал не просто сухой перечень географических показателей в местах появления первых цивилизаций. Ученого привлекала историческая интерпретация данных физической географии, дающая возможность объяснить влияние на «жизнь человеческих обществ» основных параметров среды их обитания. Причем, он видел результаты «воздействия природы» не только в организации хозяйственного уклада и даже не только в формах и темпах «экономической эволюции» [17, с. 44]. «Форма поверхности» территорий обитания народов древности, к примеру, обилие гор и равнин, равно как и «распределение воды на поверхности земли в виде морей, озер и рек», имели, по его убеждению, «громадное историческое значение»; «воздушные течения (ветра)» также «играли историческую роль», и даже туманы как разновидность атмосферных явлений могли «могущественно влиять на... общественный и государственный строй» (например, жителей Британских островов) [17, с. 45, 46].

Обнаруженная М. М. Хвостовым зависимость особенностей исторического развития народов Древнего мира от характера природной среды выдавала в нем сторонника антропогеографии и ключевой фигуры геоистории Ф. Ратцеля, о чем он с удовлетворением сообщает, когда, ссылаясь на доводы этого «лейпцигского профессора» о детерминированности характера истории каждого народа природными условиями, полностью их разделяет [17, с. 42, 43].

Руководствуясь также аналогичными убеждениями Г. Т. Бокля, Э. Реклю, К. Риттера, Л. И. Мечникова и других «видных» и «выдающихся исследователей в этой области», М. М. Хвостов был готов «наметить», а на деле, как это следует из учебной и теоретико-методологической литературы профессора, и обсудить «некоторые антропогеографические проблемы» [14, с. 31; 17, с. 42, 43], поставленные представителями географической школы в социологии.

К их числу он отнес следующие важные для понимания исторической эволюции направления изучения природного фактора: адаптация человеческих обществ к географическому детерминизму [17, с. 43, 46, 47]; зависимость государственного строя, политико-правовых институтов и политического сознания от географических показателей [17, с. 48]; влияние среды обитания на «национальный характер» [17, с. 49–51].

Одним из самых значительных природных факторов, предопределявших жизненный уклад человечества, М. М. Хвостов считал климат. «Климат... оказывает могущественное действие на жизнь человека на Земле», – писал он [17, с. 45], поэтому при структурировании материалов о взаимодействии обществ Древнего мира и окружающей среды климатическую интерпретацию истории излагал в первую очередь. «На начальных стадиях развития человеческое общество больше всего подчиняется влиянию климата... от климата зависят те или иные потребности человеческого организма; почвенные условия вместе с климатом создают животный и растительный мир, служащий для удовлетворения этих потребностей», – разъяснял он влияние режима погоды на социогенез в лекциях по «Истории Греции» [Хвостов, 1924, с. 39], четвертый раздел которых имел красноречивое название «Природа Греции и ее социально-историческое значение» [14, с. 37].

Хотя М. М. Хвостову было ясно, что интеллект человека позволял ему легче «других животных» приспосабливаться к любым климатическим условиям (жить при температурах и выше, и ниже 50 градусов [15, с. 69]), но все же наиболее пригодными для постоянного проживания были области «между изотермами плюс шестнадцать и плюс четыре: здесь и развилась история культурного человечества», – делал вывод профессор [17, с. 45].

Такие комфортные температурные условия, благоприятные для жизнедеятельности людей, сложились только на четвертой части суши, поэтому из 506 миллионов квадратных километров земной поверхности так называемая «экумена» составляла всего 135 миллионов квадратных километров [17, с. 44].

Мягким, умеренно теплым климатом отличалась природа Древней Греции [14, с. 39]. Еще «более теплым климатом» природа одарила «первые и ранние культуры... в долине Нила, в Месопотамии, а также в Индии и Китае», поэтому «развитие здесь могло идти менее прерывисто, борьба с природой была более посильной» [15, с. 13].

Не довольствуясь этими общими фразами, М. М. Хвостов детализировал изучение проблемы роли климата в историческом развитии народов древности на примере Греции и Егип-

та. Вытянутость территорий древнегреческой и древнеегипетской цивилизаций по оси север – юг «на многие сотни верст» позволяла продемонстрировать смену географических поясов, что, в свою очередь, давало возможность обозначить важнейшую идею антропогеографии о предопределенности характера истории каждого народа природно-экологической нишей и, прежде всего, «климатическими полосами» [17, с. 44].

Совокупность «климатических и почвенных условий» позволяет М. М. Хвостову отнести Грецию к стране с «умеренным климатом». Это заключение имело важное для последовавших за ним объяснений, так как, по мнению профессора, в умеренном климате создаются наиболее оптимальные условия для жизнедеятельности людей: чтобы «иметь постоянный стимул в борьбе с природой, но не быть угнетенными этой борьбой» [14, с. 40].

Адаптация к среде обитания в умеренном климате происходит быстрее и завершается впечатляющими результатами, делал вывод М. М. Хвостов: «Природа заставляла древнейшего обитателя Греции бороться с собою, но в то же время делала эту борьбу вполне посильной. Такое положение оказалось в высшей степени благотворным для развития греческой культуры. Грек должен был изоощрять свой ум и имел в то же время достаточный досуг, достаточный запас сил для этой работы, чего не было бы, если бы он жил в более суровом климате или, напротив, в тропической стране, где все ему давалось бы почти даром. Можно сказать, – подчеркивал он, – что в холодных странах природа для человека – злая мачеха, в тропическом – мать-баловница, а для грека природа была матерью-воспитательницей» [14, с. 41].

Среди природно-экологических факторов Древней Греции, оказавшихся в поле зрения ученого, наибольшим вниманием были удостоены орография, или рельеф Балканского полуострова, и гидрография – влияние морей акватории Средиземноморья. Они наложили «весьма значительный отпечаток на эволюцию общества» Эллады в древности и оказали существенное воздействие на их историю [14, с. 42–45].

Обилие гор на Балканском полуострове, создавших «геологические богатства этой страны» в виде металлических руд, строительного камня и корабельного леса «сыграло в истории Греции двоякую роль», констатировал он. Разумеется, естественные кладовые стимулировали развитие ремесел, способствовали появлению разнообразных профессий. Однако горные цепи, даже «удобно проходимые», затрудняли контакты между «поселками», поощряли «крайний сепаратизм» (или, по крайней мере, партикуляризм) между отдельными частями Греции, который проявился в образовании «своеобразного типа государства» – полиса [14, с. 42]. Каждый полис, будь то поселок или городская община, жил «обособленной самостоятельной политической жизнью», гордился своей независимостью и противился синойкизму. «Три стимула», которые обычно «ведут человеческие общества к образованию больших государственных соединений» – экономические потребности, борьба с внешним врагом и «насильственное соединение» под эгидой превосходившего «своими силами или культурой» завоевателя – в Греции долгое время отсутствовали. Даже когда эти «стимулы» появлялись, их роль сводилась на нет горным рельефом, мешавшим преодолеть изолированность полисов и вселявшим ложную надежду на вечную природную защищенность от всех, даже самых грозных опасностей [14, с. 44].

«Сепаратистские и партикуляристские тенденции до такой степени вкоренились в характер греков», что и преимущества среды обитания, связанные с наличием моря, жители Балканского полуострова осознали не сразу. Даже выйдя «из первоначального приниженого положения по отношению к природе», они направили свои энергию и предприимчивость не для установления дружественных отношений с ближайшими соседями, а на разбойные экспедиции к берегам тех стран, чьи «природные дары» и «культурные богатства» казались им наиболее привлекательными [14, с. 45, 46].

Постепенно греки осознали важность «торговых сношений», мирного диалога с окружающими их народами, тем более что отсутствие возможности к удовлетворению насущных нужд населения, с одной стороны, и появление потребности в роскоши со все возрастающим уровнем жизни знати – с другой, превращали развитие морских коммуникаций в дело первоочередной важности. Одними из первых приступили к созданию торгового флота афиняне, страдавшие от нехватки хлеба из-за низкого плодородия земель Аттики.

Детально проанализировав «совокупное действие» всех факторов физической географии, М. М. Хвостов пришел к выводу о том, что разнообразие особенностей среды обитания древних греков стало решающим фактором формирования «разных типов культуры», возникших в прибрежных и внутренних областях Северной, Средней и Южной Греции. «Мы ви-

дели, – заключал он, – что по климату Греция распадается на много областей; почвенные условия, речная система тоже весьма разнообразны; холодные зимы в северных горах и в Аркадии и благодатный климат приморских и островных стран, бездождные восточные области и хорошо орошенные западные; плодородная Беотия... и бесплодная Аттика – таковы... контрасты, встречающиеся в Греции на небольшом пространстве, совсем рядом... Естественно, – утверждал профессор, – при разнообразных географических условиях и типы культуры получились очень различные» [14, с. 47].

М. М. Хвостов отнес Афины к «промышленно-торговому государству с высокоразвитой духовной жизнью» [14, с. 47], не объясняя при этом, как своеобразие природной среды определяет духовный компонент культуры того или иного народа.

Спарта была причислена к культурному типу «земледельческих государств с солдатским мировоззрением, узкими духовными интересами граждан» [14, с. 47], что вновь заставляет нас недоумевать, каким образом природа могла сообщить подобное психоэмоциональное состояние жителям Лаконики и Мессении.

Другие «оттенки разнообразных культурных типов», основу которых заложили не менее примечательные, чем в Афинах и Спарте, «географические условия», М. М. Хвостов перечисляет без особого интереса: к местам с культурным своеобразием были отнесены «Коринф, во многом напоминающий Афины; Беотия со своим зажиточным крестьянством; малоразвитое крестьянство Этолии... полупастушеское горное население Аркадии; подвижное торговое население островов и малоазийских колоний» [14, с. 47].

Не углубляясь более в проблему «культурных типов», М. М. Хвостов делает более удачную попытку использования природно-географических сведений Древней Греции для анализа социально-экономического развития полисов Древней Греции и интенсивность происходивших в них общественно-политических изменений в свете вмешательства постоянного и практически неизменного фактора исторической эволюции – влияния природной среды.

Отталкиваясь от очевидного факта: асинхронного развития полисов – М. М. Хвостов вновь проводит мысль о влиянии географического детерминизма на скорость вызревания всех процессов, характеризующих «историю состояний». В то время как в Афинах, Коринфе, Мегарах, на острове Эвбея и ионическом побережье Малой Азии бурными темпами, начиная с VII в. до н. э., шла «экономическая эволюция» (появлялись «торгово-промышленные центры», заинтересованные в развитии морской торговли и выведении колоний), области на севере и западе Греции сохраняли черты «более примитивных отношений» [14, с. 128].

Длительное существование консервативных общественно-политических порядков в названных районах Греции и, напротив, бурные изменения в социальном строе и политическом быте экономически развитых полисов М. М. Хвостов был склонен объяснять отношением карликовых замкнутых общин Балканского полуострова к «экономическому перевороту» [14, с. 126], который, в свою очередь, был инициирован влиянием природно-географических условий. Они выполняли роль катализатора социально-экономических процессов как для обитателей малоплодородных засушливых местностей (наподобие Афин и Мегар), так и жителей, стесненных горами и морями территорий (вроде Коринфа), где природа возвела преграды естественному приросту населения и обеспечению его жизненно необходимыми средствами существования. Население, вынужденное искать для себя дополнительные источники пропитания, приобщалось к ремеслам и торговле в надежде на обретение дохода, позволявшего восполнить нехватку продуктов их приобретением на рынках Средиземноморья.

«Особенно успешно развивались промышленность и торговля, если данная местность была богата какими-либо ценными сырыми продуктами, – замечал М. М. Хвостов, – медью (около Халкиды на Эвбее), шерстью... овец, глиной (в Коринфе и Аттике), солью, мрамором (в Аттике)». Здесь в VII–VI вв. до н. э. сугубо земледельческие поселения начали превращаться в более или менее значительные «торгово-промышленные центры» [14, с. 39, 126].

Чем больше «местность была захвачена торговым обменом, тем более здесь росла буржуазия, становившаяся в оппозицию к старой знати. Эта буржуазная оппозиция колебала патриархальные отношения крестьянства к землевладельческой знати; авторитет старого аристократического режима был потрясен. Торжествовала в этой борьбе или новая буржуазия, устанавливая свое классовое господство (разные виды олигархии), или же в некоторых местностях (Афины) восторжествовали более широкие демократические круги. И в местностях, в меньшей степени захваченных хозяйственным переворотом... (Арголида, города Беотии), возникала демократическая оппозиция, но она долго не имела успеха: аристократия, делая некоторые

уступки, все же удерживалась у власти до V в. и позднее временно возвращает себе господство (особенно упорно боролась олигархия в беотийских городах)» [14, с. 129].

Так представлял себе М. М. Хвостов общественно-политическое развитие греческих полисов в свете концепции географического детерминизма.

Нетрудно заметить, что историческая эволюция мира греческих полисов и даже уникальность древнегреческой культуры были поставлены в прямую зависимость от естественных условий обитания эллинов. Акцентуация значимости природно-экологической обстановки в генезисе и развитии древнегреческой цивилизации была настолько навязчивой, что невольно возникали сомнения в наличии еще каких-нибудь факторов, которые с такой же силой, как природное окружение, могли бы предопределить ее историко-культурный маршрут.

Словно подбрасывая нам дополнительные поводы для возражений, ученый подытоживал: «Рассмотрение первого из основных факторов общественной эволюции в применении к греческим обществам – а именно природы – в значительной степени объясняет нам, почему маленький народец, совершенно теряющийся на карте земного шара, обнаружил такой быстрый и такой многообразный культурный рост» [14, с. 48].

Влияние «благоприятных климатических условий... посильных даже для малокультурного человека в его борьбе за существование» [14, с. 124], по убеждению М. М. Хвостова, прослеживается и на Древнем Востоке [15, с. 65]. Так, появление «первых и ранних культур» в долине Нила, Месопотамии, в Индии и Китае он объяснял тем, что эти культуры сложились в особом географическом пространстве – «теплой полосе», которая находилась между 40-й и 23-й параллелями, между изотермами с показателями 20 и 26 градусов тепла соответственно. Только в Древнем Китае температурный режим был менее мягким и напоминал климат в Древней Греции: в Поднебесной среднегодовые температуры колебались в пределах 15–20 градусов тепла [15, с. 13].

При конкретизации этой общей информации, в частности, при разборе погодных условий Древнего Египта, М. М. Хвостов был вынужден признать, что климат в стране фараонов был вовсе не теплый, а даже «очень сухой и жаркий»: «страшно сухой и горячий ветер», дующий с пустыни Хамсин с начала весны, раскалял воздух до 46–50 градусов [15, с. 69].

Подправляя опрометчивый вывод о теплом климате как идеальном факторе создания первых цивилизаций [14, с. 40, 48; 15, с. 13], М. М. Хвостов объяснял, что применительно к древневосточным культурам следует принимать во внимание не только благоприятный климатический фон [17, с. 47], но еще и «присутствие больших рек», которые во время половодий придавали «значительное плодородие» речным долинам. Возможность прокормиться на таких территориях и притягивала сюда людей со всех окрестных земель, начиная с самой далекой древности.

Научившись со временем приспосабливаться к разливам рек, человек взял под контроль разгул речной стихии, а «изошрив свой ум» в деле создания ирригационных сооружений, смог поднять плодородие на искусственно орошаемых круглый год полях. Таким образом, «присутствие больших рек было толчком, который заставлял человека перейти к более высокой культуре» [15, с. 14]. Делая такой вывод, М. М. Хвостов имел в виду не только достижение в ходе экономической эволюции более высокого уровня материальной культуры: совершенствование сельскохозяйственной техники, накопление астрономических или любых других полезных для земледельцев знаний. Гораздо важнее для него была констатация положительной динамики в сфере развития общественных отношений. По его рассуждениям, опиравшимся на сведения авторитетных специалистов, борьба за существование, вступление в компромисс с природой изменяли и сами земледельческие коллективы в сторону большей консолидации, сознательной интеграции. «Люди должны были селиться не поодиночке и не маленькими группами, а соединяться в значительные организации, – размышлял М. М. Хвостов, – потому что только такими соединениями возможно было бороться с данными природными условиями»: ежегодными разливами рек, которые без вмешательства в их календарные ритмы либо превращались в «чумные болота», либо выступали в роли убийц земледельцев и разрушителей их жилищ» [15, с. 14, 71].

Ссылаясь на работу Л. И. Мечникова «Цивилизации и великие исторические реки» [17, с. 43], М. М. Хвостов вновь проводил важную для его сознания мысль о влиянии географической среды на характер общественных отношений и даже форму государственного устройства в древности. Разливы рек, вынуждавшие местное население создавать ирригационные сооружения, вызывали к жизни «раннюю потребность в коллективной работе, раннее разви-

тие общественной солидарности, раннее появление государственной организации» [17, с. 47]. Причем, если в Китае разливы Хуанхэ в состоянии были регулировать «семейные и общинные союзы, сравнительно слабо связанные между собой», то в Египте подобные малочисленные объединения были неэффективными [17, с. 48].

Обращение Нильской долины в «культурную область» потребовало «необычайного напряжения сил... Естественные родовые соединения оказывались не в состоянии выполнить эту грандиозную задачу. Приходилось образовывать более значительные государственные соединения» [15, с. 71]. Путем «обоюдного согласия» или при помощи принуждения принималось решение о создании «мелких государственных соединений» – номов. Они, в свою очередь, объединялись в «более значительные организации в целях более равномерного пользования Нилом», в царства Верхнего и Нижнего Египта [15, с. 72, 77]. При фараоне I династии Менесе объединительный процесс был завершен, хотя он растянулся на тысячелетия, трудно усомниться в том, заверял М. М. Хвостов, что «объединительным стимулом» для создания единого государства в Египте явилась «борьба с Нилом, работы по урегулированию его течения» [15, с. 99, 100].

Следовательно, в отношении Древнеегипетского государства можно было с уверенностью говорить, что оно «создавалось, главным образом, под влиянием окружающих географических условий», а именно: Египет стал даром Нила [15, с. 68, 77].

При анализе природно-климатических показателей второй крупнейшей речной цивилизации Древнего Востока – Вавилонской [15, с. 228, 230] М. М. Хвостову вновь пришлось корректировать вывод о мягком климате как гаранте быстрого культурного развития первобытных народов.

Возникнув на аллювиальных почвах Тигра и Евфрата, «в южных частях Междуречья», Вавилония испытала на себе все тяготы малопригодного для жизни климата: температура в летние месяцы достигала здесь 50 и даже 60 градусов. «Выше этой температуры на земном шаре не наблюдается», – отмечал профессор. Невыносимый зной в сочетании с заболоченностью почв порождал «лихорадки и другие болезни» [15, с. 229].

Пытаясь разобраться, «почему культура развилась так рано именно в такой... неблагоприятной местности», он давал следующий ответ. Природа, сопротивляясь человеку и вызывая его на борьбу с собой, «заставляла население напрягать свои силы, чтобы улучшить условия своего существования. Борясь с природой, население постепенно выходило из первобытного состояния, совершенствовало свои умственные силы и улучшало средства для борьбы с неблагоприятными природными условиями. В то же время, – заключал М. М. Хвостов, руководствуясь уже известными нам социологическими обобщениями, – эти условия были не настолько непреодолимы, чтобы приостановить культурное развитие». К тому же природа еще и щедро награждала за потраченные первыми поселенцами усилия по адаптации к ее суровому нраву [15, с. 230].

Как и в Египте, «забота об ирригации» и «правильном распределении влаги» стала главной обязанностью «первых общественных соединений», схематично излагал М. М. Хвостов признававшуюся сообществом историков версию процесса эволюции социально-политических образований на Древнем Востоке. Эти «общественные соединения» рано «приняли... городскую форму» в виде надежных укреплений, необходимых главным образом для защиты населения «от соседних кочевников и горцев Элама». Таким образом, появление городов стало следствием природной незащищенности Месопотамии: в отличие от Египта, отгородившегося от врагов пустынями, территория Междуречья не имела «изолированности» от воинственных соседей и со всех сторон была доступна для их вторжения [15, с. 230].

Города вместе с прилегавшими к ним территориями образовывали небольшие государства, правители (патеси) которых противились интеграционным процессам. Аналогичная ситуация долгое время сохранялась и в Египте. Но если в стране фараонов номы подчинились верховной власти, позволив ей превратить единое государство в централизованную монархию, то в Месопотамии тенденция к сепаратизму была выражена значительно сильнее.

М. М. Хвостов объясняет эту специфику внутривосточного развития Месопотамии отсутствием потребности в создании единой ирригационной системы в масштабе всей страны. Две реки, «разветвлявшиеся на несколько рукавов и имевшие несколько притоков», не порождали стимул для объединения круга земель, во главе которых находились независимые местные патеси. Поэтому «раздробленность наблюдается здесь на протяжении большого периода времени. Объединение долго ограничивается образованием мелких городов-государств, кото-

рые борются между собой» [15, с. 234]. Только Саргону (середина III тысячелетия до н. э.) и Хаммурапи (начало II тысячелетия до н. э.) после продолжительной борьбы удалось на время преодолеть автономию местных «царьков» и создать «консолидированные государства» [15, с. 236, 237, 255].

Комментируя это объяснение особенностей государственного устройства Месопотамии, мы вновь, как и в случаях с Древней Грецией и Древним Египтом, можем лишь сказать, что М. М. Хвостов на своих лекционных занятиях последовательно претворял в жизнь идеи антропогеографии. Историческая судьба народа была предопределена его природным окружением.

Кроме того, в любом удобном случае профессор стремился подчеркнуть зависимость темпов «культурного развития» изучавшегося народа от «стеснительных» или, напротив, стимулирующих условий физической среды. К примеру, рассуждая о том, почему «горная страна Армения... никогда не достигала значительного развития культуры», он отмечал прежде всего неудачный для стремительного движения вперед выбор ее местоположения. Местность в верхнем течении Тигра и Евфрата, где создавалась культура Армении, была «в общем плодородная, но ввиду своего гористого характера, сравнительной удаленности от культурных центров и, наоборот, доступности... для диких народов Кавказа», не способствовала тому, чтобы Армянское царство «особенно высоко... стояло по уровню культуры» [15, с. 227, 228].

Невыносимые для жизни условия существования людей, сопровождавшиеся к тому же изоляцией от окружающего мира, являлись непреодолимыми причинами неразвитости как этой группы людей, так и создававшейся ими культуры. Это наблюдение было сделано М. М. Хвостовым применительно к аборигенам восточной части центральной Африки, заселившим верховья Нила. «Здесь обитают совершенно дикие племена, – утверждал он, – среди которых встречаются даже антропофаги. Культура этих туземцев ныне вряд ли много выше той, которая была у них в древнее время. Причина такого низкого уровня культуры, – объяснял профессор, – нездоровый климат местности»: его создавали болота – источник тропических болезней и тяжелых видов лихорадки. «Если бы Нил на всем своем протяжении имел такой же характер, – восклицал М. М. Хвостов, – то египетская культура, вероятно, не могла бы развиться» [13, с. 13; 15, с. 65].

С ним, конечно, можно было бы согласиться, если не принимать во внимание описание характера природной среды в нижней Месопотамии. Автор почти в тех же выражениях охарактеризовал среду обитания в верховьях Нила и низовьях Тигра и Евфрата. Но если в первом случае он трактовал ее как тормоз для общественного развития, то во втором сумел найти подходящие, как ему казалось, аргументы для объяснения причин преодоления шумерийцами суровости природы и приспособления к ее свирепому нраву. Среди аргументов мы не найдем сведений из этнопсихологии, хотя, казалось бы, с позиций «национального характера» или «национального духа» [17, с. 49] можно было смело высказать предположения о том, почему в одних и тех же обстоятельствах ряд народов древности боролись за свое выживание, а другие безропотно подчинялись природному порядку, превращаясь в его безвольных рабов.

Как выясняется, М. М. Хвостов сознательно избегал этих ненаучных, в его понимании, абстракций, которые к тому же в тезаурусе обществознания начала XX в. выглядели рудиментами научной мысли [17, с. 49]. Он интуитивно ощущал, что путь к разгадке многих тайн истории лежит в плоскости расовой проблематики, так как расы появились в ходе приспособления человечества к условиям своего обитания. «Под расой следует разумеать основные типы человеческой породы, различающиеся физическими и, быть может, психическими признаками, – цитировал он работу «известного антрополога Топинара» «О расе в антропологии» [17, с. 49].

В то же время встречавшиеся в науке попытки расовой дискриминации, которые выражались в делении народов на «избранных» и «отверженных» [17, с. 72], наряду с пропагандой решающего воздействия расового фактора на историческое и культурное развитие народов Земли, заставили М. М. Хвостова решительно отказаться от изложения расовой теории в своем лекционном курсе по методологии и философии истории. Альтернативой использованию понятия «раса» и образованных от него словосочетаний: «чистая раса», «первичная раса», «первоначальная раса» – по мнению профессора, могло бы стать понятие «национальность». Его «конкретность» и несводимость к антропологическим измерениям и биологическим классификациям казались ему более приемлемыми при объяснении «сложного исторического процесса», поэтому «национальные особенности», а не «расу» и не «народный дух», он был готов рассматривать среди факторов общественной эволюции [17, с. 49–51].

Однако абсолютно избавиться от популярного в лексиконе обществоведов рубежа XIX–XX вв. термина «раса» М. М. Хвостов не смог, хотя и предпринимал попытки заменить его менее провокативными и дискуссионными [2, с. 192] словами из демографической сферы: племя, народ, народность, этнос, национальность, нация. В привычной релятивистской манере он подменяет один термин другим или использует их как синонимы для одного и того же историко-культурного контекста [13, с. 15; 17, с. 72]. О некорректности обнаружения в древних цивилизациях национальностей или наций у него не возникало и мысли, так как он руководствовался общепринятыми лишенными темпоральной определенности представлениями о национальности как о «более или менее значительной группе индивидов, объединенных совместной жизнью... и главным образом языком». Представителей одной национальности, образовавшейся при «смешении рас», также отличает общность физических и психических особенностей, которые сложились в ходе длительной исторической эволюции [17, с. 49–51].

Дистанцируясь от сторонников биологического подхода в социологии, М. М. Хвостов тем не менее указывал на культурную неоднородность человечества, но связывал эти «национальные» различия не с принадлежностью народов к определенному физическому типу (расе), а с исходными условиями генезиса культуры, своеобразие которой, по его соображениям, обуславливалось объективными различиями внешней среды ее формирования. К воздействию географического ландшафта позже могли подключаться разнообразные исторические факторы, прежде всего, преодоление народами своей первоначальной пространственной замкнутости (или изолированности) и установление постоянных взаимоотношений с соседними племенами. Хозяйственно-экономические и культурные контакты, в свою очередь, превращались в мощный стимул их развития, так как «чем дальше прогрессируют... культуры, тем более они влияют друг на друга, и это обстоятельство способствовало их [неуклонному. – М. Н., Т. П.] прогрессу» [15, с. 14, 15, 142, 171, 261].

Увлеченный изучением социально-экономических процессов в Древнем мире, М. М. Хвостов не стремился углубляться в вопросы малопонятные и малознакомые ему: психический склад населения, роль языка, традиций и обычаев, ценностей группового существования в ходе этно- и социогенеза – остались вне сферы его внимания. К ним он никогда не проявлял должного интереса.

Заключение. В ходе исследования мы выяснили, какое важное значение в историческом процессе М. М. Хвостов придавал географическому фактору. Природно-экологическая среда, по его представлениям, была исходным «элементом» генезиса культур Древнего мира, способным предопределить темпы, интенсивность, направленность, специфические особенности их последующего историко-культурного развития, в том числе и принадлежность к западному или восточному типу цивилизаций.

Став адептом идеи географического детерминизма исторического процесса, М. М. Хвостов нередко преувеличивал решающее влияние среды обитания на экономический уклад, характер общественных отношений и государственного устройства, результаты социокультурных изменений у народов Древнего мира. Однако его нельзя упрекнуть в том, что он недооценивал другие, не менее существенные «силы», ответственные за «общественную эволюцию». Среди них были разнообразные «потребности»: материальные, политико-правовые, интеллектуальные, религиозные, альтруистические [16, с. 101]. Новые потребности, возникавшие на каждом новом этапе исторического развития народов древности, сами становились мощными стимулами дальнейших преобразований и, прежде всего, в социально-экономических структурах и процессах, к которым было приковано самое пристальное внимание историка.

Изучая один из наиболее устойчивых и длительных факторов «общественной эволюции» – естественные условия обитания народов Древнего мира, М. М. Хвостов указал на необходимость осуществления исторического синтеза с комплексом социогуманитарных и естественнонаучных дисциплин: географией, демографией, социологией, социальной психологией. Плодотворность заимствования их эмпирических знаний и теоретического арсенала в виде идей, концепций, подходов к изучению древнейших и малоинформативных периодов истории человечества обогащала, по его мнению, историографию, давала новые направления историческим исследованиям, открывала дополнительные возможности для обстоятельных и объективных исторических реконструкций.

Ученый высоко оценивал и потенциал антропогеографии, позже дискредитированной марксизмом, привлекая теоретико-познавательные принципы Ф. Ратцеля для обоснования

историко-культурного своеобразия полисов Древней Греции. Ориентируясь на успехи европейской, главным образом немецкой, науки, изучавшей прошлое человечества, М. М. Хвостов не игнорировал достижения и своих соотечественников, в частности, Л. И. Мечникова при интерпретации скудных фактов о зарождении первых цивилизаций в бассейнах крупных рек Африки и Азии.

Сравнение работ Ф. Ратцеля и Л. И. Мечникова не могло не убедить профессора в том, что процессы историко-культурного развития в гористой Греции с умеренным климатом и в крупных речных цивилизациях Востока происходили по-разному. В Греции решающее значение имели климат, орография и гидрография, на Древнем Востоке с жарким погодным режимом и плоскими, не защищенными от врагов равнинами, главную роль играли формы социального поведения людей, позволившие им адаптироваться к суровым условиям жизни, и организационные усилия правителей, сумевших объединить и мобилизовать население на создание ирригационного земледелия в масштабе всего государства.

Это столь очевидное сравнение подсказывало ученому ошибочность его вывода о доминирующем влиянии благоприятного климата на генезис древних цивилизаций, но не заставило внести коррективы в тексты лекций, где продолжали жить своей жизнью и устаревшие представления, и контрастирующие с ними его новые научные взгляды.

М. М. Хвостов догадывался о том, что сложный процесс социогенеза и становления первых культурно-исторических общностей зависел не только от природного фактора, но и от других причин: расовой принадлежности народа, особенностей «национального характера» и других. Однако репрезентативных источников и надежных исследований на этот счет он не имел, поэтому ограничился изложением самой понятной и достоверной, на его взгляд, информации о процессах этно- и социогенеза.

От этой информации не следовало ждать ни новизны, ни каких-либо прорывных выводов, так как сведения, которые собрал, систематизировал и проанализировал М. М. Хвостов, были предназначены для студентов, а не для «ученого сословия». Сегодня материалы о природно-географическом факторе исторического развития в изложении казанского профессора представляют интерес, главным образом, в двух аспектах: как свидетельства уровня развития исторической науки в начале XX столетия и как источник изучения истории высшего образования, особенно в российской провинции накануне Октябрьского вооруженного переворота.

М. М. Хвостову вместе с тем удалось имплицировать мысль о необходимости дальнейших серьезных исследований в таких областях науки, как расоведение, этнопсихология, историческая география: без их помощи добиться крупных успехов в изучении проблемы взаимосвязи и взаимообусловленности историко-культурных процессов, проходивших в социуме и его природном окружении, не представлялось возможным.

Список литературы

1. Бессмертный Ю. Л., Хвостова К. В. М. М. Хвостов и его взгляды на историю западноевропейского крестьянства (по материалам неопубликованного курса лекций) // История и историки. Историографический ежегодник. 1977 / отв. ред. М. В. Нечкина. М. : Наука, 1980. С. 322–345.
2. Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории / пер. с фр. А. Серебряковой. СПб. : Склад изданий и книжный магазин для иногородних О. Н. Поповой, 1899. 275 с.
3. Матвеева И. Н. К вопросу о научной и педагогической деятельности М. М. Хвостова // Вопросы историографии всеобщей истории. Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1968. Вып. 3. С. 145–153.
4. Матвеева И. Н. К вопросу об общей концепции эллинизма в трудах М. М. Хвостова в свете изучения эллинистической истории на рубеже XIX–XX веков // Вопросы историографии всеобщей истории. Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1969. Вып. 4. С. 123–130.
5. Нечухрин А. Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. – 1917 г.). Гродно : ГрГУ, 2003. 349 с.
6. Новиков М. В., Перфилова Т. Б. Концепты «общество» и «эволюция» в трактовке М. М. Хвостова // Вестник гуманитарного образования. 2021. № 1 (21). С. 7–16.
7. Новиков М. В., Перфилова Т. Б. Особенности научного мировоззрения М. М. Хвостова // Вестник Московского университета. 2020. № 4. С. 56–74.
8. Новиков М. В., Перфилова Т. Б. «Это был человек труда»: памяти М. М. Хвостова // Вопросы истории. 2020. № 10. С. 166–173.
9. Рамазанов С. П. Кризис в российской историографии начала XX века : в 2 ч. Ч. 1. Постановка и попытка решения проблемы. Волгоград : Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 1999. 144 с.
10. Путный Э. К. Изучение истории Древней Греции // Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 3 / под ред. М. В. Нечкиной и др. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 374–396.

11. Фролов Э. Д. Русская наука об античности. СПб. : Изд-во СПбУ, 1999. Гл. 7, 8. С. 175–396.
12. Хаминов Д. В. Историческая наука в Сибири и организация сибиреведческих исследований в период революции, гражданской войны и первых лет советской власти (1917 г. – середина 1920-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 352. С. 111–116.
13. Хвостов М. М. Исследования по истории обмена в эпоху эллинистических монархий и Римской империи. I. История восточной торговли греко-римского Египта (332 г. до Р. Х. – 284 г. по Р. Х.). Казань : Типолитография Императорского университета, 1907. 479 с.
14. Хвостов М. М. История Греции. Лекции, читанные в Казанском университете и на Казанских высших женских курсах / под ред. Г. Пригоровского. Изд. 2-е, доп. М. : Государственное изд-во, 1924. 262 с.
15. Хвостов М. М. История Древнего Востока / под ред. Г. Пригоровского. Изд. 2-е. Ленинград : Государственное изд-во, 1927. 275 с.
16. Хвостов М. М. К вопросу о задачах истории: сб. статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню 30-летия его профессорской деятельности в Московском университете (5 декабря 1879 – 5 декабря 1909 года). М. : Тов-во «Печатня С. П. Яковлева», 1909. С. 791–824.
17. Хвостов М. М. Лекции по методологии и философии истории. Изд. 2-е. М. : Книжный дом «Либроком», 2011. 104 с. (Академия фундаментальных исследований: история.)
18. Хмылёв Л. Н. Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX – начала XX в. Томск : Изд-во ТГУ, 1978. 172 с.
19. Шофман А. С. Михаил Михайлович Хвостов. Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1979. 112 с.

The natural environment as an initial factor of the sociogenesis of ancient civilizations: interpretation by M. M. Hvostov

M. V. Novikov¹, T. B. Perfilova²

¹Doctor of Historical Sciences, professor, Head of the Department of Theory and Methodology
of Vocational Education, Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky.
Russia, Yaroslavl. ORCID: 0000-0002-2013-1919. Researcher ID: AAD-2635-2019. E-mail: m.novikov@yspu.org

²Doctor of Historical Sciences, professor, leading researcher,
Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky.
Russia, Yaroslavl. ORCID: 0000-0002-2498-8688. E-mail: m.novikov@yspu.org

Abstract. The problem of the influence of the natural territorial complex on the historical and cultural development of the peoples of the Ancient World is considered in the interpretation of M. M. Khvostov, from the position of geographical determinism, which studied the dependence of the features of the "social evolution" of ancient civilizations on the nature of the natural environment. The separation of the geographical approach from the historical one in the interpretation of the historical process was explained by Khvostov by the fact that the sciences of society are primarily important "the results that are obtained from the impact of nature on human societies." It is noted that to evaluate these results, the scientist used the research of reputable European and Russian experts. Becoming an adept of anthropogeography, he applied the ideas of F. Ratzel's interpretation of the history and culture of the ancient Greeks. Khvostov managed to prove that the speed, intensity, direction and results of the processes of internal development of the ancient Greeks, including the "types of culture" that arose in Hellas, were determined by a set of natural indicators such as climate, orography, hydrography. Works of L. I. Mechnikov formed the basis of Khvostov's reflections on the initial conditions of the formation of civilizations in the Ancient East. According to Khvostov, the direct dependence on the geographical factor of socio-economic and political-administrative ways of life in large river civilizations was expressed in the forms of social behavior of the population aimed at adapting to the habitat, and the organizational efforts of the ancient Egyptian and Mesopotamian rulers to create and maintain irrigation facilities in order. Attention is drawn to the fact that the professor exaggerated the role of a favorable climate in the processes of ethno- and sociogenesis among European and Eastern peoples of antiquity. And although his own research pointed to the fallacy of the statement about the "temperate climate" as the best habitat, he did not make adjustments to the educational publications. It is emphasized that Khvostov failed to link the diversity of the development processes of ancient peoples with socio-cultural factors, but he was able to determine the directions of studying the influence of natural factors in historical discourse.

Keywords: factor approach, natural-geographical factor, geographical determinism, anthropogeography, culture (civilization), habitat, historical process, "national character", race, interdependence of nature and society.

References

1. Bessmertnyj Yu. L., Hvostova K. V. M. *M. Hvostov i ego vzglyady na istoriyu zapadnoevropejskogo krest'yanstva (po materialam neopublikovannogo kursa lekcij)* [M. M. Khvostov and his views on the history of the Western European peasantry (based on the materials of an unpublished course of lectures)] // *Istoriya i istoriki. Istoriograficheskij ezhegodnik. 1977* – History and Historians. Historiographical yearbook. 1977 / ed. by M. V. Nechkin. M. Nauka (Science). 1980. Pp. 322–345.
2. *Langlua Sh.-V., Sen'obos Sh. Vvedenie v izuchenie istorii* [Introduction to the study of history] / transl. from Fr. by A. Serebryakova. SPb. A warehouse of publications and a bookstore for nonresidents of O. N. Popova. 1899. 275 p.
3. Matveeva I. N. *K voprosu o nauchnoj i pedagogicheskoj deyatel'nosti M. M. Hvostova* [On the question of scientific and pedagogical activity of M. M. Khvostov] // *Voprosy istoriografii vseobshchej istorii* – Questions of historiography of universal history. Kazan. Kazan University. 1968. Is. 3. Pp. 145–153.
4. Matveeva I. N. *K voprosu ob obshchej koncepcii ellinizma v trudah M. M. Hvostova v svete izucheniya ellinisticheskoy istorii na rubezhe XIX–XX vekov* [On the question of the general concept of Hellenism in the works of M. M. Khvostov in the light of the study of Hellenistic history at the turn of the XIX–XX centuries] // *Voprosy istoriografii vseobshchej istorii* – Questions of historiography of universal history. Kazan. Kazan University, 1969. Is. 4. Pp. 123–130.
5. Nechuhryn A. N. *Teoretiko-metodologicheskie osnovy rossijskoj pozitivistskoj istoriografii (80-e gg. XIX v. – 1917 g.)* [Theoretical and methodological foundations of Russian positivist historiography (the 80s of the XIX century – 1917)]. Grodno. GrSU. 2003. 349 p.
6. Novikov M. V., Perfilova T. B. *Koncepty "obshchestvo" i "evolyuciya" v traktovke M. M. Hvostova* [Concepts of "society" and "evolution" in the interpretation of M. M. Khvostov] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya* – Herald of Humanitarian Education. 2021. No. 1 (21). Pp. 7–16.
7. Novikov M. V., Perfilova T. B. *Osobennosti nauchnogo mirovozzreniya M. M. Hvostova* [Features of M. M. Khvostov's scientific worldview] // *Vestnik Moskovskogo universiteta* – Herald of the Moscow University. 2020. No. 4. Pp. 56–74.
8. Novikov M. V., Perfilova T. B. *"Eto byl chelovek truda": pamyati M. M. Hvostova* ["It was a man of labor": in memory of M. M. Khvostov] // *Voprosy istorii* – Questions of history. 2020. No. 10. Pp. 166–173.
9. Ramazanov S. P. *Krizis v rossijskoj istoriografii nachala XX veka : v 2 ch. Ch. 1. Postanovka i popytka resheniya problemy* [The crisis in Russian historiography of the early twentieth century : in 2 parts. Part 1. Statement and attempt to solve the problem]. Volgograd. Volgograd State University. 1999. 144 p.
10. Putnyn' E. K. *Izuchenie istorii Drevnej Grecii* [Studying the history of Ancient Greece] // *Ocherki istorii istoricheskoy nauki v SSSR. T. 3* – Essays on the history of historical science in the USSR. Vol. 3 / ed. by M. V. Nechkin et al. M. Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 1963. Pp. 374–396.
11. Frolov E. D. *Russkaya nauka ob antichnosti* [Russian Science of Antiquity]. SPb. SPbU. 1999. Ch. 7, 8. Pp. 175–396.
12. Haminov D. V. *Istoricheskaya nauka v Sibiri i organizaciya sibirevedcheskih issledovanij v period revolyucii, grazhdanskoj vojny i pervyh let sovetskoj vlasti (1917 g. – seredina 1920-h gg.)* [Historical science in Siberia and the organization of Siberian studies during the revolution, the Civil War and the first years of Soviet power (1917 – mid 1920s)] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of Tomsk State University. 2011. No. 352. Pp. 111–116.
13. Hvostov M. M. *Issledovaniya po istorii obmena v epohu ellinisticheskikh monarhij i Rimskoj imperii. I. Istoriya vostochnoj trgovli greko-rimskogo Egipta (332 g. do R. H. – 284 g. po R. H.)* [Studies on the history of exchange in the era of Hellenistic monarchies and the Roman Empire. I. History of Eastern trade of Greco-Roman Egypt (332 BC – 284 BC)]. Kazan. Typolithography of the Imperial University. 1907. 479 p.
14. Hvostov M. M. *Istoriya Grecii. Lekcii, chitannye v Kazanskom universitete i na Kazanskikh vysshih zhen'skikh kursah* [History of Greece. Lectures delivered at Kazan University and at Kazan higher women's courses] / ed. by G. Prigorovsky. Ed. 2nd, add. M. State Publishing House. 1924. 262 p.
15. Hvostov M. M. *Istoriya Drevnego Vostoka* [The History of the Ancient East] / ed. by G. Prigorovsky. Ed. 2nd. Leningrad. State Publishing House. 1927. 275 p.
16. Hvostov M. M. *K voprosu o zadachah istorii: sb. statej, posvyashchennyh Vasiliyu Osipovichu Klyuchevskomu ego uchenikami, druž'yami i pochitatel'yami ko dnyu 30-letiya ego professorskoj deyatel'nosti v Moskovskom universitete (5 dekabrya 1879 – 5 dekabrya 1909 goda)* [On the question of the tasks of history: collection of articles dedicated to Vasily Osipovich Klyuchevsky by his students, friends and admirers on the day of the 30th anniversary of his professorial activity at Moscow University (December 5, 1879 – December 5, 1909)]. M. Comrade "Printing House of S. P. Yakovlev". 1909. Pp. 791–824.
17. Hvostov M. M. *Lekcii po metodologii i filosofii istorii. Izd. 2-e*. [Lectures on methodology and philosophy of history. Ed. 2nd]. M. Book House "Librocom", 2011. 104 p. (Academy of Fundamental Research: history.)
18. Hmylyov L. N. *Problemy metodologii istorii v russkoj burzhuaaznoj istoriografii konca XIX – nachala XX v.* [Problems of methodology of history in Russian bourgeois historiography of the late XIX – early XX century]. Tomsk. TSU. 1978. 172 p.
19. Shofman A. S. *Mihail Mihajlovich Hvostov* [Mikhail Mikhailovich Khvostov]. Kazan. Kazan University. 1979. 112 p.